

A romantic scene set in a lush mountain valley. In the foreground, a man in a dark suit and two women in period dresses stand with their backs to the viewer, looking out over a vibrant landscape. The man is on the left, and the two women are on the right. The woman in the middle wears a light-colored dress with a lace collar and a braided hairstyle. The woman on the right wears a dark green dress with a white lace collar and a corset-style bodice. The background features a winding river, green meadows, and majestic mountains under a blue sky with white clouds. The overall atmosphere is serene and picturesque.

Глория Голд

Стражи
долины

Глория Голд
Стражи долины

«Автор»

2026

Голд Г.

Стражи долины / Г. Голд — «Автор», 2026

Путь к долине петляет сквозь туманы, хранящие древнюю тайну. Пик Стервятника помнит голоса ушедших богов. Аурора, дочь самой долины, унаследовала дар слышать зов бездны – и расплачивается за это одиночеством. Когда её мать Мария гибнет от рук Элис Вейл, агента таинственного ордена, мир Ауроры рушится. Но за этой трагедией стоит другая история – запретная любовь Армандо и Марии, переступивших границы миров и заплативших за свою страсть высшую цену. Ей предстоит выбор: покориться тем, кто хочет поставить аномалии на службу порядку, или разбудить силу, способную смести всех врагов. Но цена мести может оказаться выше, чем сама жизнь. Роман о любви, предательстве и песне, которая звучит в крови тех, кто помнит путь домой.

© Голд Г., 2026

© Автор, 2026

Глория Голд

Стражи долины

Глава 1

Ночь не наступала – она обрушилась на побережье, разорванная в клочья яростью урагана, пришедшего из океанских глубин. Это была не стихия, а живое, мыслящее существо, древнее и безумное, решившее стереть с лица земли эту ничтожную песчинку – небольшую часовню. Гроза бушевала с библейским, слепым гневом, и дождь хлестал по стёклам не просто водой, а стрелами из жидкой тьмы, с такой ненавистью, будто хотел смыть саму память о Боге с этого клочка грешной земли.

Внутри, в густом, спёртом воздухе, пахшем воском, влажной штукатуркой и терпким, почти удушающим ладаном, падре Армандо пытался зажечь последние свечи у простого деревянного алтаря. Пламя свечей было не живым светом, а предсмертной агонией, боровшейся с наступающим мраком. Оно рождало на грубых, неровных стенах пульсирующие, уродливые тени, которые не плясали, а корчились в мучительном экстазе, словно демоны, вызванные грохотом грома – тем низким, животным рычанием, что исходило из самых недр мира.

Он был мужчиной лет тридцати пяти, с лицом аскета, на котором упорство и доброта вели свою немую, изнурительную борьбу. Его тёмные волосы были рано тронуты проседью у висков – пеплом от сожжённых надежд. А в глазах цвета старого ореха жила не просто грусть, а тяжёлое, невысказанное знание о той бездне, что зияет за гранью человеческой души.

И тут, сквозь оглушительный вой ветра, он услышал это. Не стук или голос, а тихий, протяжный стон, похожий на скрип разрываемой плоти, на шепот самой ночи, умирающей от ран. Он замер, и ледяная струйка липкого страха пробежала по его позвоночнику.

С тяжёлым скрипом, который потонул в грохоте стихии, он отворил массивную дубовую дверь, и в проём ворвался ветер, холодный как дыхание могилы. На пороге, озаренная сизой, болезненной вспышкой молнии, стояла она. Не призрак или русалка, а видение из самого сердца кошмара безумной ночи.

Её фигура, залитая дождем, казалась соткана из тумана и отчаяния. Легкое платье из дешевого батиста, промокшее насквозь, стало её второй кожей, прозрачной и постыдной, облепившей каждую линию её тела – высокую, упругую грудь, тонкую талию, плавные, соблазнительные изгибы бёдер. Струйки воды, словно чёрные слезы, стекали с тяжёлых, мокрых волос, спадавших на плечи беспорядочными волнами. Вода стекала по её высоким скулам и лепесткам губ, бледных, почти синих от холода.

Но больше всего его поразили её глаза. Огромные, миндалевидные, тёмно-карие, почти чёрные. В них был не просто ужас, а бездна, первозданного, животного страха существа, заглянувшего в пасть Левиафана и увидевшего там своё отражение. В этих глазах читалась не просто боль мира, а его агония. И в их глубине, на самое мгновение, ему почудилось нечто иное, чуждое – отсвет древнего, нечеловеческого безумия.

– Входите, – прошептал он, и его собственный голос показался ему хриплым и чужим, голосом другого человека, запертого в его теле.

Он не задавал вопросов. Каждый вопрос умирал на его губах, сожженный тем немим ужасом, что исходил от неё. Он жестом пригласил её внутрь, и его рука сама потянулась, чтобы поддержать, но он сдержался, сжав пальцы в кулак до хруста в костяшках. Прикосновение к ней в этот миг казалось ему кощунством, осквернением, способным разорвать хрупкую завесу между мирами.

Девушка молча переступила порог, и на каменные плиты пола упали тяжелые капли с её платья. Они не стучали, а шипели, словно капли кислоты, оставляя на камне тёмные, маслянистые следы, которые тут же впитывались пористой поверхностью, как кровь в песок. Она вошла, и с ней в часовню вползла тень, густая, осязаемая, пахнущая океанской бездной и чёрным, незнакомым цветком.

Дверь захлопнулась с глухим стуком, отсекая бушующую снаружи стихию. Но Армандо с ужасом осознал, что самая страшная буря только что вошла в его дом. И принесла с собой тишину.

Глухую, звенящую, наполненную невысказанными вопросами и запахом грозы, смешанным с едва уловимым, ароматом её мокрых волос – морской соли, дикого жасмина и чего-то ещё...

Он смотрел на неё, на эту загадку, явившуюся из тьмы, и чувствовал, как в его душе, рядом с состраданием и долгом, шевельнулось нечто тёмное, первобытное и запретное. Не просто интерес мужчины к женщине, а голод одинокой души, столкнувшейся с живым воплощением своей самой тёмной молитвы.

Его дом, прилепившийся к часовне, был не убежищем, а продолжением склепа – скромным, беленым, состоящим из трёх комнат, соединенных низкими арочными проходами, в которых взрослому мужчине приходилось сутулиться, словно в постоянном покаянии. Воздух в нем был густым и уютным, но теперь эта уютность казалась притворной и натянутой. Он пах хлебом, ладаном и сушеными травами, но сквозь эти знакомые запахи теперь пробивался новый – солёный, дикий, животный дух, принесенный ею.

В центре маленькой кухни стоял грубый деревянный стол, залитый желтоватым, болезненным светом керосиновой лампы. Свет пульсировал, отбрасывая на стены не тени, а некие подобия существ, которые корчились в такт завываниям ветра. Он подал ей грубое, но чистое полотенце из небеленого льна и шерстяной плед, затем, смущенно отвернувшись к глиняной раковине, сделал шаг к выходу. Каждый его жест был выверен, ограничен невидимыми клетками обета и приличия.

– Я оставлю вас. Вы сможете... обсохнуть, – он не посмотрел на неё, чувствуя, как кровь стучит у него в висках тяжелым, первобытным молотом. Он ушел, но не в свою спальню, а в часовню, стоять на коленях перед алтарем. Но слова молитвы рассыпались в прах, едва рождаясь. Его разум был полон одного образа – фигуры в мокром батисте, прилипшем к коже, обрисовывающем каждую черту, каждую впадинку и выпуклость с непристойной, богохульной точностью.

Оставшись одна, она сбросила с себя мокрую ткань. Платье с глухим, влажным шлепком упало на каменный пол, словно сброшенная кожа. Воздух, прохладный и неподвижный, коснулся её обнажённой, покрытой мурашками кожи. Она торопливо вытерлась, и грубая ткань полотенца вызывающе контрастировала с нежностью её тела, оставляя на нем легкие розовые следы, как следы невидимых пут. Закутавшись в шерстяной плед, грубый и колючий, она почувствовала запах – запах мужчины, дерева, ладана и простого мыла. Это было странно утешительно и по-своему интимно, но эта интимность была отравлена, как отравленный колодец.

Платье, повешенное над догорающими углями в очаге, шипело и корчилось, словно живое существо, не желающее смириться со своей участью, испуская пар, что был похож на стон.

Когда он постучал и, дождавшись тихого «Войдите», – переступил порог, его взгляд на мгновение, против его воли, скользнул по её фигуре, укутанной в плед. Он увидел оголённые плечи, кожу, мерцающую в полумраке, как перламутр, ключицы, изящные, как крылья бабочки, припиленной булавкой. Он быстро опустил глаза, чувствуя внезапный, острый укол

стыда и чего-то ещё, о чем он боялся подумать, – тёмного, сладкого яда вождения, каплю за каплей отравляющего его душу.

– Как ваше имя? – спросил он, уставившись на свои потрескавшиеся кожаные сандалии и на пол, куда падали с неё капли, оставляя тёмные звёзды.

Молчание. Лишь треск дров в очаге нарушал тишину, да ветер выл за стенами, словно голодный зверь. Она сидела, прижимая к груди край пледа, и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Но теперь он разглядел в них не просто пустоту. В их бездонной темноте было нечто, похожее на знание. Древнее, чужеродное знание, от которого стыла кровь.

– Не бойтесь, – голос его смягчился, стал низким и бархатным, но в нём чувствовалось напряжение. Он сам боялся: её, этого дома, ночи, а больше всего – того, что творилось в его собственной груди. – Здесь вы в безопасности. Вы можете мне доверять. Как вы оказались здесь одна в такую ночь?

– Я... ничего не помню, – её шёпот был похож на шелест опавшей листвы над могилой. – Я очнулась на берегу. Вокруг была только темнота и грохот. И я шла... просто шла на ваш свет. Он был единственным светлым пятном в ночи.

Она говорила это, но её пальцы судорожно сжимали ткань пледа, и в её глазах мелькнула тень, когда она произнесла «ничего». Это была не просто пустота потери памяти. Это была пустота выжженного поля, с которого собрали ужасный урожай. Армандо почувствовал, как по его спине пробежал холодок. Её «ничего» было громче любого крика. Оно было полно обрывков кошмаров, и он, к своему ужасу, захотел заглянуть в них.